

5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в 6 частях с эпилогом / Вступ. статья Г. Фридмидера: Примеч. Г. Коган; Ил. Д. Шмаринова. – М.: “Худ. литература”, 1978. – 464 с.
6. Толстой Л.Н. Война и мир: Роман. В 2-х кн. [Предисл.: К. Ломунов; Ил.: Д.А. Шмаринов]. – Х.: Прапор, 1980.
7. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман в 4-х ч. / Вступ. статья Е. Стариковой Примечание И. Битюговой: Худ. И. Глазунов. – М.: Худ. Лит., 1983. – 407 с.
8. Барышникова Д. Когнитивный поворот в постклассической нарратологии (Обзор новых англоязычных книг). В: «НЛО» 2013, №119. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/b32.html>>.
9. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 2. – М.: “Терра”. – 1997. – 568 с.
10. Стругацкие А.Н и Б.Н. За миллиард лет до конца света: Повести / А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий [Худож. П. Караченцев]. – М.: Сов. писатель, 1984. – 415 с.
11. Rocaciuc V. Artele plastice din Republica Moldova in contextual sociocultural al anilor 1940-2000. Chisinau, Ed. Atelier, Bons Offices SRL, 2011. – 276 p.

УДК 130.2 (47+57)

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ REALISTIC ALTERNATIVE OF THE SOVIET IDEOLOGY

Рокачук Виктор Н., кандидат
философских наук, доцент Каменец-Подольского Национального
Университета имени Ивана Огиенко Рокачук Виктория Викторовна, кандидат
искусствоведения, доцент исследователь, Институт Культурного Наследия
АНМ

Дудченко Владимир Степанович,
кандидат философских наук, доцент Каменец-Подольского Национального
Университета
имени Ивана Огиенко

Авторы делают попытку проанализировать реалистическое направление в советском искусстве и его влияние на менталитет советского человека, и как впоследствии это отразилось на его жизни. Процесс развития реализма как система мышления в противодействии буржуазной идеологии должен был привести советского человека к счастливой жизни, к свободе и благосостоянию всех граждан.

Ключевые слова: реализм, свобода, счастье, идеология, противостояние, разобщенность, борьба, искусство, литература, коммунизм, трагедия.

Authors do attempt to analyze the realistic direction in the Soviet art and its influence on mentality of the Soviet person and as subsequently it was reflected in his life. Development of realism as the system of thinking in counteraction of bourgeois ideology had to lead the Soviet person to a happy life, to freedom and welfare of all citizens.

Keywords: realism, freedom, happiness, ideology, opposition, dissociation, fight, art, literature, communism, tragedy.

Реализм в его прагматическом понимании стал одним из основных моментов в советской культуре, разрушивших официальную советскую идеологию. Речь идет не о соцреализме [1], рождённом марксистско-ленинской философией, живописующей вождей и разделяющей людей по классовому признаку. Не смотря на это, следует отметить, что классицизм в искусстве и соцреализм трактовались и развивались в контексте трансформации данных архетипов.

В данном случае речь идет об экзистенциальном реализме, уходящим своими корнями в мироощущение ранних язычников, лишенных чувства истории, чувства течения времени. В силу этой архаической природы, экзистенциальный реализм может рождать самые фантастические ментальные конструкции и принимать удивительные в своей языковой изошрённости литературные формы. Однако в нём есть один образ, замыкающий человека в созданной реальности, не дающей ему выйти за его границы. Образ этот – смерть. Жизнь и смерть, по сути, главные эстетические символы реализма (классического) и художник в своем строительстве нового, виртуального литературного мира, всегда, так или иначе, исходит из смертной природы человека, которая есть для него абсолютная и безысходная данность. Смерть это и есть главный атрибут реального мира. Как писал самый яркий представитель советского литературного реализма Иосиф Бродский:

“Смерть не скелет кошмарный,
с длинной косой в руке.
Смерть – это тот кустарник,
в котором стоим мы все” [2].

А сама жизнь, есть лишь сложное, замысловатое, часто изысканное, порой совершенно фантастическое, или же по-кафкински [3] абсурдное, набоковское [4, 5] “Приглашение к жизни”.

Человек экзистенциального реализма – это человек смертный и одинокий. Человек без вождя, без партии, без Бога, без будущего, но лишь обладающий сегодняшним настоящим, и иногда далеким и по-детски трогательным прошлым.

Реализм в его прямом понимании в искусстве раннего послевоенного периода в СССР был заменён документальностью, чрезмерной описательностью или нарративом. В предреволюционной России его вершили Толстой и Чехов, остро чувствовавшие тяжкую пропасть опустошенного человеческого сознания, лишённого мифологических иллюзий. Во время революции эти иллюзии были восстановлены, а в шестидесятые годы возрождены вновь.

Человека с мифологизированным сознанием по определению тяготит неподвижная, застывшая, замкнутая реальность, воссозданная даже самым литературно-изысканным, например, набоковским языком. Вместе с тем реалисты в литературе – самые сильные стилисты. В отсутствие иной, романтической реальности их реальностью становится сам язык, в котором они пытаются отыскать глубины страдающей из-за утерянного рая человеческой души. Именно высочайшая стилистика делает литературой их обыденные и чисто безысходные сюжеты, а то и вовсе отсутствие таковых, придавая тексту ощущение пространства, протяженной Вселенной.

Именно из ощущения, что стиль создает глубину текста и воссоздает жизнь, проистекает утверждение, что литература, прежде всего, это стиль, это чистый язык в высшем значении этого слова, и в литературе первично не содержание, а языковая стилистика.

Без литературного стиля не может быть литературы, ибо литературный текст должен быть живым. Только стиль оживляет написанные на белом листе слова, погружающиеся в сознание читателя.

На Западе экзистенциальная, крайне мало мифологизированная, застывшая реальность – есть реальность истинная. На Востоке и в СССР – немифологизированная реальность представлялась буржуазным упадничеством. Оттого и судьба советских реалистов всегда трагична. Либо эмиграция, либо изоляция внутри страны.

Коммунистическая власть моментально почувствовала присутствие в стихах Бродского чуждого коммунизму духа и незамедлительно приняла самые крутые меры, хотя формально ничего антисоветского в его поэзии никогда не было. На их глазах в СССР родился

совершенно иной, посторонний официальной мифологии, психологический мир. Однако с этим миром сделать уже ничего было нельзя. Ребёнок уже родился. Серебряный век, создал удивительно живой, хотя и гибнущий мир, в котором человек лишь присутствует, но ничего не имеет. В этом мире живое всё, кроме человека. Даже статуи на домах растут, словно живые.

Следуя архетипическим парадигмам мифологического восточного мышления, поэт или художник разделяет мир на добро и зло, верх и низ, небо и землю и создает целостный, законченный и понятный образ, понятный именно в силу своей очевидности. Он освобождает жизнь от камуфляжа, он называет все своими именами и оттого становится ясно, кто есть кто и куда все движется [6, 7].

Попытка устранить мифологию из жизни и из поэзии в поисках чистого, не замутненного никакими мифологемами сознания, удивительным образом словно запускает время вспять, уводя самого человека в те далекие римские времена.

Впрочем, официальная идеология Советского Союза уже и без посторонней помощи также двигалась к своему закату. Коммунистическая религия, созданная в СССР постепенно теряла свою мифологичность, оставляя советского человека один на один с голый и оттого страшной реальностью жизни.

Божественный имидж коммунистической системы после Отечественной войны не создавался руководителями партии в полной мере осознанно и планомерно. Руководители КПСС шли в создании этого имиджа больше от интуиции, связанной с архетипическими принципами восточного религиозного мышления, в котором идея божества сформулирована как таинственная, надчеловеческая сущность. Поэтому политическая система, построенная по восточному религиозному образцу, должна быть по определению таинственной и непонятной. Она должна быть закрытой от населения, неподконтрольной, и, самое главное, непостижимой, работающей как философский «чёрный ящик», который никак не соотносит поступление информации на входе и её продукцию на выходе.

Ситуация «чёрного ящика» крайне важна для коммунистической идеологии, ибо она рождала у населения по отношению к власти действительно мистические, иррациональные религиозные чувства любви, страха и ощущения полной правоты Системы всегда и во всём. И чем более странная и непонятная власть существует в тоталитарной стране, тем более она устойчива, ибо порождает к себе иррациональные религиозные чувства.

Очень важно понять, что иррациональность является крайне важной характеристикой человеческого мышления. Именно она ограждает человеческий разум от перманентной трагичности естественной реальности. Реализм по своей природе трагичен, ибо он не только постоянно напоминает человеку об его смертности, но и в принципе не соответствует глубинной человеческой природе, из которой собственно и выросла религия, как социальный институт и как специфическое, мистически-драматургическое мышление. В этом отношении советская власть на ранних этапах своего существования прекрасно справлялась с задачей удовлетворения религиозных потребностей народа, желавшего чувствовать даже в своей повседневной жизни нечто запредельное и потустороннее. Именно такой и была до войн власть коммунистической партии.

После Сталина советские руководители были более, чем простыми, не отягощёнными никакими интеллектуальными излишествами людьми. Среди них не было мыслителей хоть как-то продвинувших теорию марксизма-ленинизма. Весь мистический иррационализм советских вождей основывался лишь на постоянной попытке соединить в своей деятельности несоединимые противоречия самой марксистско-ленинской теории и практики.

Они пытались соединить официально провозглашаемую власть народа с властью партноменклатуры, демократическую конституцию с полицейским надзором за всеми и каждым, стремление к миру во всем мире с поддержкой экстремистских и террористических организаций во всем мире, право наций на самоопределение и жесточайшее подавление любых национальных чувств народов, входящих в состав СССР, объявление собственного социализма высшей экономической формой, постоянное и глубокое отставание от экономически развитых стран Запада. Подобных противоречий было бесконечное множество. Они распространялись на все области жизни Советского государства. Они проникали в глубины экономики, внешней и внутренней политики и идеологии. Они были несоединимы в реальности, но при этом прекрасно соединялись в головах, как обычных людей, так и руководства страны. При этом большинство населения страны считало, что никаких противоречий внутри СССР нет, что, совсем наоборот, в этих «сложностях» и состоит великая мудрость и глубина Системы, построенной на великих, хотя и таинственных диалектических законах бытия [8,9].

Построенная на идеологии, коммунистическая Система прекрасно работала. СССР был одной из великих держав мира, у него была мощнейшая армия, советский человек первый полетел в космос,

Советский Союз был державой с ядерным оружием, внутри страны отмечался постоянный прирост населения, в стране не было безработицы, не было голода, советский человек был относительно социально защищен, медицина и образование были бесплатными, на пенсию по старости вполне можно было прожить. При этом мировая коммунистическая Система неуклонно расширялась. Система функционировала, и в этом не было ничего удивительного, поскольку она во многом соответствовала природе религиозного менталитета.

Таким образом, коммунисты создали весьма устойчивый мифологический мир, в который и погрузилось государство. Этот мир не имел никакого отношения к реальности, поскольку реальность ему была в общем-то и не нужна. В этом виртуальном мире происходила своя виртуальная жизнь, цементируя созданное пространство постоянно поддерживаемой властями идеей, что завтра будет лучше, чем сегодня. Поэтому самыми главными врагами режима стали реалисты – люди с острым и совершенно не коммунистическим чувством реальности, желающие знать или пытающиеся назвать конкретные цифры, факты, события. Причем страшны были не сами цифры или факты. Страшна была тенденция. Реальность оказалась разрушительной силой альтернативой мифологическому коммунистическому миру. Реализм разваливал основные его ментальные устои. Он уничтожил его мощнейший виртуальный фундамент, на котором держалось всё – власть, политика, экономика, образование. Поэтому главными врагами советской власти стали реалисты, которые и повлияли на процесс распада СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rocaciuc V. Artele plastice din Republica Moldova in contextual sociocultural al anilor 1940-2000. Chisinau, Ed. Atelier, Bons Offices SRL, 2011. – 276 p.
2. Бродский И. Стихотворения и поэмы. В 2-х т. / Иосиф Бродский. – СПб.: “Вита Нова”, 2011.
3. Кафка ф. Процесс: Роман / Франц Кафка. – Х.: Фолио, 2005. – 239 с. (Світова література).
4. Набоков В.В. Избранные произведения / Владимир Набоков; [Сост. и вступ. ст. О.Н. Михайлова; Худож. В.Н. Ходоровский]. – М.: Сов. Россия, 1989. - 397 с.
5. Набоков В.В. Избранные произведения / Владимир Набоков; [Сост. и вступ. ст. О.Н. Михайлова; Худож. В.Н. Ходоровский]. – М.: Сов. Россия, 1989. - 397 с.
6. Пастернак Б. Доктор Живаго: Роман / Борис Пастернак. – С.-Пб.: Азбука-классика, 2009. – 514 с.

7. Солженицын А. Один день Ивана Денисовича / Александр Солженицын. – СПб.: “Лениздат”, 2012. – 384 с.

8. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1.- М.: “Терра”. – 1997. – 688 с.

9. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 2.- М.: “Терра”. – 1997. – 568 с.

MULTICULTURALISMUL INTRE CONFLICT ȘI RECONCILIERE: TENDINȚE ALE REAFIRMĂRII IDENTITĂȚII ÎN CONTEMPORANEITATE

Dumitru Dodul, dr., conf. univ. interimar
Departamentul Filosofie și Antropologie
Universitatea de Stat din Moldova

Una din trăsăturile definitorii ale contemporaneității o reprezintă trăirea diversității, a diferenței și a eterogenității societății. Procesele transnaționale ale comunicării, producției și consumului generează o realitate în care, evenimentele petrecute într-un alt colț al lumii, bunuri realizate la mii de kilometri distanță, devin pentru omul modern experiențe cotidiene.

Globalizarea producției a condiționat un nivel înalt de mobilitate a populației, a generat oportunități de angajare, ceea ce constituie un aspect pozitiv atât pentru economia țărilor gazdă, cât și pentru *ceilați* -, *noii nomazi*”, care sunt implicați în procesul de producție a bunurilor. Unul dintre cele mai controversate aspecte legate de fenomenul de globalizare în acest context îl reprezintă rolul statului. Îndatoririle tradiționale ale statului s-au modificat sub impactul transformărilor economice și sociale pe care le impune noul tip de relații internaționale care se constituie. Statul este altfel decât acum o jumătate de secol, acționând în virtutea ideologiei neoliberale și adaptându-se procesului de globalizare, a trecut de la poziția statului strategic, al statului dezvoltării, la statul competițional. Elementele definitorii ale statului clasic au suferit transformări destul de puternice, în încercarea de a face față provocărilor lansate de creșterea interdependențelor internaționale și a agravării unora dintre probleme, care s-au transformat în probleme globale. Liberalizarea fluxurilor comerciale și financiare sunt în mare parte reglementate la nivel internațional, statului revenindu-i sarcina de a implementa la nivel național deciziile adoptate de instituțiile internaționale și de a le ordona în așa fel încât transpunerea națională să ofere maximum de avantaje.